

ОБРАЗ ТВОЙ

«Она была свет моей жизни. Она явилась мне в самую трудную пору моей судьбы и воскресила во мне все существование», — писал Ф. М. Достоевский. Кузбасские художники доносят до нас сегодня великое чувство великого писателя

В музее Достоевского в Новокузнецке, в картинах, портретах, иллюстрациях — баллада о Марии Дмитриевне Исаевой.

Десять лет назад доводилось слышать музей-то не Исаевой, а Достоевского. Все так. Но разве не особая удача для музея, что именно здесь, в этом доме, Достоевский бывал так пронзительно несчастлив, томясь в сомнениях, и так лучезарно счастлив, сломив колебания Исаевой. Для Достоевского Исаева, прожившая почти два года в этом доме, была источником сладостного стра-

дания, а стало быть, и источником творческих взлетов. И взлеты эти, созревал в «кузнецкий период», реализовались лишь много позже, когда ее; реальной, уже не было в живых.

У самого входа — звонкая картина Людмилы Статных. Сине-морозная, но уже тронутая предвестием весны мгла. Мчатся тройки — сказано, свадьба такая, что Кузнецк запомни! Одегитриевская церковь. Еще живая, еще величественная. И на клубящемся облаками небе, словно некое знамение. Слово хоругвь, обознача-

ние события: «1857 год. Ф. М. Достоевский в Кузнецке».

Кузнецкие дни Достоевского — единственное место и единственное короткое мгновение, когда двое обретших друг друга были безоблачно счастливы. Для Достоевского это еще момент триумфа — сломил судьбу, выбран, любим, для Исаевой — момент робкой надежды: вдруг это и в самом деле счастье?! И потому в этом доме очень уютно чувствуешь себя» литография Николая Статных — парные портреты в овалах.

На них — такие степенные, успокоенные, такие верящие в стабильность счастливого мига Достоевские.

И, как переключка, портрет Исаевой — работа А. Елфимова. Она сидит чуть застыло, с письмом ли, с книгой ли в руке. На фоне известной фотографии Достоевского в первом офицерском мундире, на который он возлагал такие надежды, когда ждал разрешения на брак — солдату нельзя выло. Фотография эта широко известна, так что, казалось бы, ничего нового в коллижии «Достоевский — Исае-

ва» она уже дорассказать не может. Но как же удалось художнику столкнуться с образом Исаевой, так подчеркнуть «победительность» Достоевского и полную ему подвластность этой женщины. Страдание дает права господствовать над тем, кто заставлял страдать вчера, а сегодня покорен и весь из твоей власти — один лейтмотив творчества Достоевского вспоминается именно у этого портрета.

Иллюстрации Вл. Беляева к «Преступлению и наказанию». Литографии. Перонажей почти нет. Зато — листницы, ведущие в никуда. Неуют петербургских подворотен в промозглый день. Окно, открытое во двор-колодеп, так похожий на тюремный. Катерина Ивановна Мармеладова — словно трагическая душа этого искаженного мира, закольцованного на безвыходности. 1) опять — к Исаевой летит мысль. Особый мир, отражение скольких узлов, завязанных именно в этом доме почти полтора века назад, читается в удивительных работах Вл. Беляева. Запах времени, запах петербургских «маленьких трагедий»,

переживаемых «маленькими людьми», униженными и оскорбленными.

И есть в экспозиции серия работ Германа Захарова, посвященная Ф. М. Достоевскому. Большая часть — кузнецкому его периоду. Впервые видела некоторые листы этой серии много лет назад. Захаров, который давно работал над темой Достоевского, говорил: «Помните — счастье нельзя оплачивать слезой младенца. Это было его Кredo, и мы с особым пристальным вниманием разглядывали лист Захаровской графики, посвященной этому мотиву творчества Достоевского: измученное борьбой страстей лицо, судорожно протянутая и жизненным облизанная другая — решительно отталкивающая горку монет — словом, разве можно рас- сказать живопись!»

В 1982 году появился двойной портрет Достоевского и Исаевой, который Захаров удачно именовал «Кузнецкий венец». Портрет предназначался для названного музея, где и находится сейчас. Чета Достоевских как бы встречает посетите-

лей и более того, я на себе испытала странный эффект: куда бы ты не отошел от портрета, за тобой настойчиво и пронизательно следят с портрета глаза. «Кузнецкий венец» — портрет глубоко психологичный. Стержень его — соединенные руки Достоевского и Исаевой. Наконец соединенные. Но, может, пока еще соединенные. Так близко склонились друг к другу лица, но черта уж пролегла меж ними. Разные горизонты отторгнутые друг от друга жизненные пути открылись перед вчера еще пылыми влюбленными. Уже не Исаеву видит перед собой Достоевский — в будущую Настасью Филипповну вглядывается, словно хочет нал Митей Карамзина Грушенька, Катерина Ивановна Мармеладова стыдно пляшущая на улице «па де шаль». В подтверждение своего «благородного происхождения» тоже выри совывается вдали. Тревожен лик стоящей рядом с Достоевским. Марии Дмитриевны Изумленной и обреченному ее взору уже открылись отчужденные даже забвение, ожидающие ее.

Художники «наму», ницелью тот или ты. Но творчество ветвь на вопрос. Оля Иужемо, как тельской) какие ассоциции по какому импульсу Дениса Достоевского, музей («Бессмертные значили отмирания ва», Все сна... УМ после ния музея] Новокузнецк таков климат этим ощуща да убедит вздохнуло Дмитриевны но возвраща только в ве великого истории ку... М. Игн... г. Новоку